

Цзи Саньмэй часто успокаивал этого ребёнка, и что удивительно: стоило ему взять малыша на руки, как тот, рыдавший до посинения, в мгновение ока утихал, с любопытством разглядывая Цзи Саньмэя и посасывая свой пальчик.

Во всей этой истории с Призрачной колесницей ребёнок был самым невинным. Он был простым смертным, лишь рождённым из чрева умершей, отчего температура его тела была ниже обычной, и он легко хворал. Крохотный, как котёнок, он вызывал безотчётную нежность.

Возможно, из-за Цзи Лючэня Цзи Саньмэй всегда относился к детям с особой мягкостью и любовью.

Он поднялся и последовал за управляющим Стариной Чжу. Чанъань же, увлечённый новой для него игрой в «дочки-матери», даже не заметил ухода Цзи Саньмэя.

Едва Цзи Саньмэй переступил порог дома Сюй, массивные красные лаковые ворота с грохотом захлопнулись. На них ярко горела золотистая печать заклатья.

Заклятие печати. Никто не войдёт, никто не выйдет. Запертый внутри — не сбежит, даже будь у него крылья.

Цзи Саньмэй шёл позади управляющего Старины Чжу, выпуская втянутый дым в ритме «два коротких — три длинных», словно играя в звуковую игру.

Дом Сюй был ориентирован на юг, и солнце заливало его щедрым светом. Лучи раннего лета, падая на кожу, смешивали ощущения «зуд» и «жар». Цзи Саньмэй почесал зудящую от солнца руку, затем поднял взгляд, очертил глазами линию подбородка Старины Чжу и улыбнулся:

— Дедушка Чжу, а вы на меня похожи.

Лицо управляющего Старины Чжу, хоть и обвисло, но костяк был прекрасен: прямой нос, пухлые губы — угадывались черты былой статной красоты.

— В юности — красавец, к старости — обезьяна, — вздохнул Старина Чжу.

Время — привередливый мастер. Оно перебирает, забирает всё, что можно назвать «красотой», а выжимки, осадок — всё это скапливается в глазах. Когда-то яркие, живые очи мутнеют, становятся тёмно-бурыми, а лицо покрывается паутиной морщин. Это и есть следы времени.

Старина Чжу, казалось, был тронут:

— Мастер Саньмэй, в столь юные годы обладающий великим даром, да ещё и такой красавец. Как я могу с вами равняться?

Цзи Саньмэй выпустил дым, задержанный во рту. Его голос, лёгкий и мягкий, зазвучал, словно жемчужины, скатывающиеся на нефритовое блюдо:

— Но костяк у нас схожий, значит, и в молодости внешность была похожей. Несомненно, вы были необычайно красивы.

Управляющий Старина Чжу сделал вид, что не расслышал эту наглую самооценку, и просто улыбнулся:

— Какой вы сладкоречивый ребёнок.

Однако после этой похвалы он вдруг смущённо отвернулся, словно не желая видеть того, что должно было случиться.

Цзи Саньмэй же, ничего не замечая, продолжил:

— Вы с детства служите в доме Сюй?

Старина Чжу поднял взгляд на синее-синее небо:

— Ещё как. Я прислуживал старому господину Сюй, когда тот даже не был помолвлен. Потом, когда старый господин скончался от болезни, я нянчил ещё грудного господина Сюй. А теперь забочусь о маленьком господине. Гляжу, как род сменяет род, — вот и прошла вся жизнь.

Цзи Саньмэй с почтительным восхищением воскликнул:

— Хо! Настоящий трёхдинастийный сановник!

Старина Чжу осклабился:

— Стар стал, силы уже не те.

Цзи Саньмэй в уединении тени позволил себе зловещую улыбку. Кончики его клыков, покрытые блестящей слюной, сверкнули в солнечном свете.

— Ядовитая змейка подняла своё безобидное личико и неспешно высунула раздвоенный язык.

Цзи Саньмэй спросил:

— А вам не страшно?

Старина Чжу удивился:

— Чего бояться-то?

— После смерти человека врата ада Авичи распахиваются настежь, принимая грешников со всех сторон. Я, как подумаю об аде, так сердце заходится от страха, — говорил Цзи Саньмэй о страхе, но шагал неспешно, ровно, соразмерно, изящно и благородно. — «Одна лишь гневная мысль — и пожаром опалит». Кажется, мой наставник так меня учил. Я что-то подзабыл. Дедушка Чжу, так ведь в старину говорили?

Корень языка Старины Чжу онемел. Его всегда живой и проворный язык теперь судорожно бился во рту, пытаясь высвободиться, но оставался лишь окостеневшим куском плоти, едва не перекрывая дыхательное горло.

Цзи Саньмэй убрал свой змеиный язык. Не только не стал допытывать дальше, но и озарил лицо невинно-жестокой улыбкой:

— Дедушка Чжу, вы такой добрый, точно в ад не попадёте. Я от наставника слышал, что на Западе есть мир высшей радости...

Он всюду пустился в красочные описания того мира, словно вовсе не замечая землистого лица Старины Чжу.

— Они что, знают? «Опалит пожаром», ад Авичи... Неужели намёк?

— До чего докопался этот ребёнок?

Старина Чжу отчётливо помнил то лето три года назад. Господин Сюй велел подать дома кувшин жёлтого пшеничного вина и наказал, чтобы его любимая женщина сама принесла напиток.

А он, дождавшись, когда та покинет Павильон Весенней Красы, в глухую ночную пору равномерно облил другим кувшином вина округу павильона.

Он чиркнул огнём, безо всякой внутренней борьбы швырнул искру в пропитанную вином землю и бросился прочь.

Отбежав несколько десятков шагов, он вдруг вспомнил, что надо оглянуться.

...Огонь уже взметнулся на высоту человеческого роста. Алое чудовище обвивалось вокруг деревянного столба, страстно пожирая свою пищу. Ослепительное золотое сияние отражалось в лужах вина, окрашивая их в кроваво-красный цвет, словно это были растопленные человеческие плоть и кровь.

В тот миг огненное чудовище неестественным образом скривило шею, склонило свою вознесённую голову и уставилось на старика, что собственными руками его породил.

Старина Чжу пустился наутёк. От страха он обмочился и залился слезами.

Всю дорогу он бормотал: «Не гневайтесь, духи, старик ничего не ведал. Господин велел — я и сделал. Господин — это дитя, на руках которого я вырос. Его слова для меня — закон».

Нельзя не признать: прожив десятилетия, старик накопил богатый опыт в искусстве «забвения». Забвение облегчает жизнь.

Поэтому за эти три года злой поступок ни разу не являлся ему во снах. Старина Чжу думал, что уже стёр его из памяти.

И вот теперь перед его глазами внезапно вспыхнуло пламя. Огонь извивался, принимая форму стоящего человека. В раздутом животе этого человека-огня зрело, вынашивалось крошечное чудовище. Оно молча смотрело на него.

Казалось, об истории трёхлетней давности у него было бесконечно много сказать.

Старина Чжу весь окаменел. Когда он зашагал вперёд, его движения стали похожи на движения ходячего мертвеца.

Маленькая змейка Цзи Саньмэй, удовлетворившись демонстрацией своих ядовитых клыков, вновь приняла вид послушного дитяти.

Они дошли до двери комнаты, откуда доносился оглушительный рёв маленького небожителя. Цзи Саньмэй обернулся, делая вид, что не замечает землисто-зелёного лица Старины Чжу:

— Дедушка Чжу, а где же кормилица?

Старина Чжу, будто в тумане, отворил дверь. Его голос, когда он заговорил, был хриплым и дрожащим:

— У неё дома дело вышло. Господин отпустил её. Мастер Саньмэй, прошу, входите.

Цзи Саньмэй переступил порог. Старина Чжу вошёл следом. Закрывая дверь, он дрожал так, что вздувшиеся синие вены на его обвисшей коже рук извивались, словно черви.

Петли двери издали тонкий скрип, и створки плотно сошлись.

Цзи Саньмэй подошёл к маленькой колыбели и наклонился, чтобы взять на руки мягкое, нежное создание. В тот же миг сбоку метнулась тень ножа.

Цзи Саньмэй в панике попытался уклониться, но не успел. Нож, отливающий грязным жирным блеском, легко разорвал кожу и вонзился во внутренности.

Клинок длиной в полфута прошёл навывлет, от груди до спины.

Державший нож Сюй Тай, казалось, этого было мало. Он крепче сжал рукоять и с ожесточением провернул её, разрывая, перемешивая внутренние органы.

Из уголка рта Цзи Саньмэя потекла густая кровь. В крови клубилась чёрная мгла. Брызги попали на младенца.

Маленькое создание, ничего не ведая, подняло сжатый кулачок и смотрело, как тонкая, словно маленькая чёрная змейка, струйка крови медленно стекала по изгибу его руки и скрывалась под одеждой.

Кровь была тёплой. Липкое ощущение на коже вызывало лёгкий зуд. Малыш перестал плакать и захихикал.

В глазах Сюй Тая стояли слёзы:

— Прости! Искренне прости!

Он неумело вращал рукоять ножа, уничтожая и без того скудные остатки жизни в этом теле. Его голос прерывался рыданиями, слёзы лились дождём, горе было таким, что, казалось, он сейчас выплюнет свои внутренности:

— Моей жене нужно тело... Ей нужно твоё тело! Я выращу это тело как следует... Вне зависимости от жизни и смерти, вне зависимости от того, мужчина она или женщина, я люблю её!

В горле Цзи Саньмэя заклокотал предсмертный хрип. Всё больше крови хлестало наружу, заливая передник его одежды.

Он попытался обернуться, но острая сталь надёжно сковала его, не позволяя совершить даже это простое движение.

<http://bllate.org/book/16281/1466273>